



## Н. ЧЕЧУЛИН

### Выпуск первых ста миллионов рублей ассигнациями

(Эпизод из финансовой истории Екатерининского царствования)

#### I

До 1769 г. в России не было бумажных денежных знаков, а ходили деньги — серебряные, медные и — в очень небольшом количестве — золотые. В царствование Петра Великого в России находилось в обращении русскою золотою монетою — около 750 000 руб., серебряною — 34 250 000 руб., иностранными золотыми и серебряными деньгами — около 580 000 руб., медными деньгами — 3 920 000 руб., всего до 39 500 000 руб.; к началу царствования Екатерины II общее количество денег в народном обращении достигло 86 500 000 руб., из числа коих — золотою монетою было на 2 100 000 руб., серебряною — на 61 000 000 руб., золотою и серебряною иностранною — почти на 5 000 000 руб., а остальные 18 500 000 руб. — медными деньгами. Настоящими деньгами считались серебряные; значение же медных изменялось в разные периоды. <...>

Развитие государственных потребностей неизбежно требовало и усиления денежных средств казны; а так как у нее запасов серебра почти не было, добыча же серебра в России только еще едва начиналась, то Петр вернулся к мысли делать деньги медные; но первоначально соблюдена была при этом большая осторожность: медные деньги были выпущены в качестве разменных, и количество их только постепенно достигло девятой части количества денег золотых и серебряных. Затем сделан был дальнейший шаг, усиливший денежные средства казны без существенного потрясения курса: из больших сравнительно запасов меди начали чеканить *полноценную* монету, т. е. такую, нарицательная стоимость которой соответствовала или почти

соответствовала стоимости заключенного в монете металла: в течение 1728—1762 гг. чеканилась монета в разные годы — 8, 10, 16, 32 — и даже 40 руб. из пуда меди, стоившей в продаже от 8 р. до 12 руб. пуд; таким образом, истинная стоимость монеты никогда не была ниже  $\frac{1}{5}$  ее нарицательной стоимости, обыкновенно же равнялась половине или трем четвертям ее, а несколько раз совпадала с нею и даже превосходила ее. В результате явились значительные улучшения в народном хозяйстве, которые и были заметны особенно в первую половину царствования Елизаветы Петровны; но рядом с этим обнаруживались и неудобства установившейся денежной системы. Во-первых, опять появилось много фальшивых медных денег, — по расчету Миниха, почти четверть медных денег, обращавшихся в народе, была фальшивая; во-вторых, — и что особенно важно, — медная монета, чем была она полноценнее, тем неудобнее являлась для развития торговли. Уже серебряные деньги были неудобны для обращения сколько-нибудь значительными суммами, ибо 1000 руб. составляли тяжесть почти в пуд; медные же деньги были в этом отношении неудобны чрезвычайно. В самом деле, когда чеканилось по 8 руб. из пуда — 1000 руб. представляли собою тяжесть в 125 пудов; при 16-рублевой монете 1000 руб. весили 62 пуд. 20 фунт.; передвинуть сколько-нибудь значительную сумму — это значило отправить целый караван; а такой караван специально привлекал разбойников и грабителей; в конце 80-х годов XVIII в. в Тобольске накопилось одно время до 2 000 000 руб. медными деньгами; но, хотя то было время, когда правительство очень нуждалось в деньгах, оно не решилось везти этих денег из Сибири в Европейскую Россию, потому что перевозка 40 000 пуд. этих денег должна была обойтись дороже 60 000 руб., помимо того, что могла быть исполнена только очень медленно и что обоз с деньгами подвергался на таком длинном пути множеству опасностей.

Уже при Елизавете Петровне возникла мысль выпустить бумажные деньги; но императрица — вероятно, под свежим впечатлением катастрофы с Джоном Ло<sup>1</sup> — на это не согласилась; применена была система перевода векселями; но и эти переводы были разрешены только между купцами и стеснены множеством формальностей, так что хотя и облегчили торговые обороты, но далеко в недостаточной степени.

Петр III велел чеканить деньги по 32 руб. из пуда и — указом 25 мая 1762 г. — приказал выпустить бумажные деньги<sup>2</sup>; но с переменою на престоле этот указ остался невыполненным, а выпущенные при Петре III в количестве почти 2 000 000 лег-

ковесные медные деньги были почти все изъяты в начале же царствования Екатерины и заменены деньгами по 16 руб. из пуда.

В начале царствования Екатерины II довольно значительные новые расходы были покрываемы благодаря отобранию в казну монастырских и церковных крестьян, что дало в распоряжение правительства свыше полутора миллиона рублей лишних в год — при общей сумме всех государственных расходов в год 16—18 млн, — кроме того, понижение в цене соли <...> неожиданно дало довольно значительное увеличение в соляном доходе. Но потребность в деньгах вообще, а особенно — в деньгах, удобных для обращения, все продолжала возрастать, и когда в ноябре 1768 г. началась война с Турцией, правительство решилось прибегнуть к выпуску бумажных денег.

29 декабря 1768 г. был обнародован манифест об учреждении в Петербурге и Москве банковых контор для вымена (надо дополнить — в народ, в обращение) ассигнаций; каждая контора получила на этот предмет ассигнаций на 500 000 руб. и на такую же сумму для каждой из них положено было медных денег, которые и должны были служить обеспечением выпущенных ассигнаций<sup>3</sup>. В манифесте выпуск ассигнаций был мотивирован желанием дать удобство денежным оборотам, так как — говоря словами манифеста — «тягость медной монеты, одобряющая ее собственную цену, отягощает ее же и обращение» и «дальний перевоз такой монеты многим неудобствам подвержен»; но, собственно говоря, имелось в виду именно усиление денежных средств казны, впрочем, в размерах замечательно осторожно ограниченных: именно, по проекту кн. А. А. Вяземского, решено было выпустить  $2\frac{1}{2}$  или 3 млн руб. ассигнациями, отложив деньгами в обеспечение их 2 000 000 руб., т. е. выпустить всего до миллиона рублей необеспеченных рубль за рубль денежных знаков. Такой ничтожный излишек их, конечно, не мог иметь ни малейших неблагоприятных последствий; в самом деле, выпуск монеты в царствование Екатерины II равнялся приблизительно  $3—3\frac{1}{2}$  млн руб. в год; с существовавшими уже ранее в обращении деньгами к 1769 г. в России было около 100—105 млн руб. монеты; 3 млн бумажек, конечно, нисколько не могли поколебать курса. Начатая столь осторожно новая мера увенчалась полнейшим успехом; ассигнации представляли такое удобство при передвижении сумм, что их брали очень охотно: в силу этого, а отчасти и в силу того, что при каждом платеже в казну суммы свыше 500 руб. обязательно было представить по крайней мере на 25 руб. ассигнациями;

эти последние держались не только наравне с медными деньгами, но иногда даже котировались несколько выше, и сравнительно с серебром не падали ниже, чем 101 за 100. Такой успех убедил правительство, что полезно расширить и распространить выпуск ассигнаций. Производились ежегодно новые и новые их выпуски, а для более быстрого распространения их в народе учреждены были в течение 1772—1773 гг. банковые конторы в восьми городах — Ярославле, Нижнем Новгороде, Астрахани, Смоленске, Великом Устюге и др., — которые получили ассигнациями около 300 000 руб. каждая и выпустили их в обращение на местах, в замене сумм медными деньгами, собранных там в разных правительственных учреждениях. При этом количество ассигнаций постепенно превышало ту сумму медных денег, которую они имели, по идее, заменять; в народное обращение входили и ассигнации и снова те деньги, которые были получены за ассигнации. К концу турецкой войны ассигнаций было выпущено уже на 20 051 800 руб.; из них 12 714 750 руб. являлись уже денежными знаками, не обеспеченными запасом металла: разменный фонд медных денег достигал в это время всего 8 337 050 руб., в числе которых 1 млн был первоначально положен для банковых контор Петербурга и Москвы; а остальные 7 млн с лишком были получены от населения за вымененные им ассигнации. Курс их несколько ослабел, и последние два года войны они шли 102 и 103 за 100. К чести кн. А. А. Вяземского, главного руководителя этой операции, надо сказать, что он поступал в ней с большою осторожностью и благоразумием. Не представляя себе ясно, *как* можно благотворно подействовать на всю экономическую жизнь страны искусным развитием кредита и денежного обращения — а надо сказать, что тогда и никто себе этого не представлял ясно и верно, — кн. Вяземский чувствовал, однако, что излишек в денежных знаках может повлечь за собою большие опасности, и тем большие, с чем большею легкостью правительство будет создавать себе эти денежные знаки. Поэтому он постоянно являлся сторонником идеи, что денежные средства, если они действительно необходимы, надо добывать путем увеличения налогов; он не указывал системы налогов, при которой правительство могло бы получать большие средства без заметного отягощения населения, по преимуществу же его крепостного класса; в этом отношении кн. Вяземский не предлагал ничего лучшего, чем применялось тогда в России; но он, конечно, был прав в том отношении, что правительство было менее вводимо в искушение издерживать больше, чем народ мог вынести, тогда, когда оно

ограничивало свои средства прямо налогами с населения, ибо при таких условиях оно всегда могло тратить только то, что мог ему отдать народ, с большим или меньшим трудом, но все-таки мог отдать. Кн. Вяземский неоднократно высказывал эти идеи; при самом начале выпуска ассигнаций он именно имел в виду лишь удовлетворение настоятельной необходимости в деньгах на предстоящие военные издержки, а теперь настоял, чтобы дальнейший выпуск ассигнаций был прекращен. 10 января 1774 г. был издан Высочайший указ, которым объявлено, что число ассигнаций достигло 20 млн и больше этого их выпущено не будет<sup>4</sup>; заявление это имело столь благоприятный результат, что в 1774 г. ассигнации котировались на петербургской бирже *al pari*<sup>5</sup> с сербрянными рублями.

Но — как это бывает почти всегда с подобными заявлениями о будущем — очень скоро обнаружилась их неосновательность; правительство оказалось совершенно не в силах сколько-нибудь удовлетворительно определить свои потребности или ограничиться имевшимися у него средствами. К выпуску банковых билетов снова прибегли немедленно же вслед за объявлением, что число их не будет более увеличиваемо: уже в 1775 г. выпущено было еще  $1\frac{1}{2}$  млн, в 1776 г. — 2 млн; затем, в 1777 и 1778 гг., новых выпусков не было; но зато далее они пошли уже ежегодно; в 1779 и 1780 гг. было выпущено по 500 тыс. ассигнациями, в 1781 г. — 5 500 000; так что число ассигнаций в народном обращении достигло уже 30 млн; в 1782 г. — выпущено сразу 7 000 000 руб., в 1783 — 3 101 100 руб., в 1784 — 2 414 750 руб., в 1785 — 2 794 575 руб., наконец, в первой половине 1786 г. — 862 525 руб.; всего к 28 июня 1786 г. в народном обращении было уже на 46 172 950 руб. ассигнаций; кроме того, по внешним займам, начало которых тоже совпадает с началом турецкой войны, Россия должна была к 1784 г. 17 000 000 гульденов (в том числе  $3\frac{1}{2}$  млн гульденов по  $4\frac{1}{2}\%$ , а остальные — по 4%), или, по тогдашнему курсу, около 9 700 000 руб.; ежегодная оплата этого долга процентами поглощала 398 571 руб.; этот расход, впрочем, нельзя не признать крайне незначительным; он составлял менее 1% суммы всех тогдашних государственных расходов России: бюджет 1785 г. равнялся 42 млн с небольшим, бюджет 1786 г. — 41 млн с небольшим; но как бы то ни было, правительство Екатерины II передержало к 1786 г. более 55 млн руб. против того, чем оно, собственно говоря, располагало, т. е. истратило почти полтора годовые свои бюджета.

<...> непропорционально быстрое возрастание государственных расходов сравнительно с развитием источников для их

удовлетворения. Прежде всего тут сказались влияние первой турецкой войны: она обошлась в  $47\frac{1}{2}$  млн руб.; на нее ушли сбережения первых лет и избытки обыкновенных доходов над обыкновенными расходами за годы войны, всего около 16—17 млн, затем сборы специально на войну, взимавшиеся под разными видами в течение 1769—1774 гг. приблизительно в размере 631 000 руб. в год; всего до 2 млн; кроме того — 3 млн дали некоторые повышения сборов, введенные специально для покрытия военных расходов, но затем сохраненные и впредь; затем выпущено было <...> на 12 млн бумажных денег; остальное добыто было путем заграничных займов, которые в значительной части были затем и погашены, — между прочим, контрибуцией с турок, полученною в размере  $4\frac{1}{2}$  млн руб. Рядом с этим временным, зато очень значительным расходом произошло возрастание и постоянных обычных расходов на армию; с 8 100 000, приблизительно, определенных по штатам 1764 г., расходы на армию к середине 80-х годов превысили уже 16 млн руб. в год. Огромные суммы, едва ли определенные точно, употреблены были в Польше на сохранение русского преобладания в делах республики, в Швеции на борьбу с враждебною России партией, в Крыму — на присоединение его, а затем на устройство вновь приобретенного берега Черного моря; последнего рода издержки шли через руки Потемкина, который не стеснялся в полном смысле слова швырять деньгами и своими, и казенными. <...>

Особенно значительно возросли в Екатерининском царствовании расходы на местное управление. В начале ее царствования государственные расходы (всего около 16 млн руб.) в круглых цифрах распределялись так: на армию и флот шло 10,4 млн руб.; на двор — 1,75 млн руб. и на все гражданское управление — всего 3,8 млн руб.; через 20 лет, в 1783 г., на армию и флот шло 1355 млн; на двор — 2,4 млн; на гражданское управление — 18,25 млн; а в 1795 г. — на армию и флот — 21,5 млн, на двор — 8 млн; на гражданское управление — 26 млн; иначе говоря, расходы на гражданское управление в 1763 г. составляли 26% всего бюджета, в 1783 — 44%, а в 1795 — 46%, абсолютно же — цифра расходов на этот предмет возросла в 1783 г. в 5 раз, а в 1795 — в 7 раз сравнительно с цифрою 1763 г.; в то же время расходы на армию и флот только удвоились. Особенно же внушительный получается вывод, если мы исключим из общей суммы на гражданское управление то, что расходовалось в Петербурге и Москве на центральные управления, и выделим таким образом то, что оставалось из государственных расходов

на местах, в разных губерниях: в 1763 г. на всем пространстве тогдашней России расходовалось по гражданскому управлению едва 2 млн, а в 1795 — 22 млн, т. е. больше в 11 раз. Вот на какие расходы, между прочим, уходили финансовые средства при Екатерине II; и этих расходов нельзя, конечно, не признать в высшей степени производительными и, след<овательно>, желательными. На них возведено было, во всяком случае, немало построек, которые прослужили очень долго, созданы дороги, которыми местами пользуются еще донныне, заведены хоть какие-нибудь училища, наконец, привлечены к администрации в большом количестве лица, — еще далекие, конечно, по своим качествам от всего того, чего вправе население ждать от сносных представителей администрации. <...> Менее всего, конечно, сделано было для поднятия промышленной деятельности в стране, для развития народных богатств. Но в этом отношении в то время господствовала такая неясность, такая поразительная путаница понятий, что приходится признать тогдашних деятелей почти неспособными придумать и провести меры, существенно полезные в этом отношении. Разбор соображений, исходя из которых решено было произвести в 1786 г. новый большой выпуск бумажных денег, раскрывает нам и эту поразительную неясность политико-экономических идей и рисует весьма любопытный и характерный для своего времени эпизод.

Почти одновременно с первым выпуском ассигнаций в высших правительственных сферах Петербурга уже возникали и обсуждались предположения расширить, развить денежное обращение в стране, в ожидании от этого благих последствий для казны и для народного благосостояния; но тогда мысль эта встречена была с недоверием, с осторожностью и не получила полного осуществления. Весною 1770 г. в Совете было обсуждаемо предложение какого-то датского банкира относительно внешнего займа, который тогда желало заключить русское правительство, проект принят не был, и мы не знаем в точности его содержания; но по поводу его произошли в Совете очень любопытные прения. Сама императрица, присутствуя лично в Совете вскоре после отклонения помянутого проекта, сделала вопрос: «почитать ли банк государственных ассигнаций\* выменною медной монеты конторою и оставить его в теперешнем состоянии, или его привести в такое положение, чтобы он приносил

\* Кроме ассигнационного, учрежденного в 1768 г., существовал еще со времен Императрицы Елизаветы заемный банк, из которого давались деньги под залог земель и крестьян.

государству пользу? Если сие последнее взять основанием, то для чего ж оставлено требуемое датским банкиром поручительство оного?» (Очевидно, по предполагавшемуся займу.) Первым говорил после этого гр. Гр. Орлов и сказал, что, по его мнению, «сила и союз банка во всех частях государства и большие денежные обороты могут причинить революцию в ценах всех продуктов» и что «посему необходимо должно войти в рассмотрение статов; что он не признает большой пользы от великого обращения капиталов»; затем гр. З. Гр. Чернышев заметил, что «приведение банка в лучшее состояние находит он нужным, но что потребно начать то с внутреннего распоряжения, а не снаружи»; гр. Н. И. Панин тоже сделал некоторые примечания; «выслушать все сие, — читаем в протоколе Совета, — Ее Императорское Величество изволила сделать сие заключение: из всех ваших рассуждений вижу Я, что надлежит сделать два проекта актов: один о соединении банков и снабдении правления оных такими преимуществами, чтоб оно всеми выгодами пользоваться и кредит свой распространять могло; а другой о уполномочении его, на случай могущей быть нужды, в чинении им займов, и поручительств в пользу государства»; еще ранее, отвечая гр. З. Гр. Чернышеву, Екатерина выразилась так: «Мое желание состоит в том, чтобы не персоне государя, но государству верили. Я виды свои далее распространяю». Не трудно видеть, что эти рассуждения явились отголоском каких-то, вероятно, более обстоятельных обсуждений вопроса, чем те, о каких повествует нам протокол; в самом деле, слова гр. Орлова содержат выражения общего взгляда, а вовсе не являются прямым ответом на вопрос императрицы; сама императрица делает вывод, тоже, по-видимому, отвечая не только на то, что высказано было в самом заседании, или, даже отвечая почти мимо всего, высказанного в этом совещании. Менее, чем через год, тогдашний управляющий банком гр. Андрей Петр. Шувалов представлял в Совет проект «о превращении банков из обменных, каковы они есть ныне, в циркуляционные» или, по теперешнему термину, в эмиссионные; но проект не был осуществлен. По отношению к ассигнациям держались прежних взглядов, т. е. прибегали к выпуску их, когда настояла нужда в деньгах. Когда этих выпусков оказалось недостаточно для казны, составлена была в 1783 г. комиссия из кн. А. А. Вяземского, гр. А. А. Безбородко, гр. А. Р. Воронцова и гр. А. П. Шувалова, которая предложила довольно значительное увеличение оброка с казенных крестьян и некоторые другие, уж гораздо менее важные повышения сборов; предложения эти были приняты в Совете и дали

повышение доходов приблизительно на  $7\frac{1}{2}$  млн руб.; бюджет 1783 г. был  $31\frac{1}{2}$  млн, а на 1784 г. бюджет сведен был уже на  $41\frac{1}{2}$  млн руб.

Однако и этих средств оказывалось недостаточно; и производимый на прежних основаниях выпуск ассигнаций, и прямое, очень чувствительное, усиление подушных сборов не давали казне всех необходимых ей средств. Но не было еще испробовано предположенное когда-то широкое развитие банковской деятельности, то «великое обращение денежных капиталов», в котором гр. Орлов, в противоположность кому-то, не видел большой пользы. И вот, императрица решилась сделать опыт в этом направлении. Гр. А. П. Шувалов — по-видимому, в конце 1785 г. — представил ей в этом смысле проект. Проект был передан на рассмотрение кн. А. А. Вяземскому, генерал-прокурору, несшему уже более 20 лет на своих плечах чуть не всю тяжесть внутреннего управления, человеку, многократно доказавшему и свою практичность и истинную деловитость, скажем даже, своего рода государственную мудрость, человеку, неспособному провести какую-нибудь коренную реформу, но несклонному и увлекаться чем-либо блестящим, но неверным, скептику, быть может, и по природе, а еще более потому, что он отлично знал и видел не только наружную, показную деятельность правительства, но и закулисные ближайшие ее причины и основания. Вяземский не одобрил предположений записки и со своей стороны предложил ряд мер, которыми можно было, по его мнению, улучшить положение государственного казначейства. Императрица передала проект Вяземского на рассмотрение Безбородко; Безбородко дал об этой записке следующий отзыв: «Большая часть сих способов состоит: в отнятии у городов доходов и у провинций, имеющих привилегии — винокурения, в сложении части губернских штатов на общества и в убавке сумм, отпускаемых на губернские строения, наконец, в наложении на купцов двух процентов вместо одного, с капитала. Средства сии не согласуются вовсе с правосудием и милосердием, Вам сродными, и кроме тягости народной могли бы дать повод нашим неприятелям оглашать государство — в нужде трогать крайние и тяжелые ресурсы». Безбородко напоминал об успешной работе комиссии 1783 г. и заканчивал заявлением, что «буде удостоятся сей доверенности те же люди, то дней через десять» он представит проект указа; в обширной записке, предшествовавшей упомянутому заявлению, Безбородко разбирал неудобство новых налогов или усиления старых, действительно верно отметил некоторые неточности расчетов Вяземского и до-

казывал, что необходимая государственному казначейству помощь «может быть весьма заимствована из Ассигнационного Банка». Екатерина написала: «Очень, очень хорошо! С Божией помощью! А я требовала генерал-прокурора представления, потеша больного; его нужды и не столько притеснительны, как представлены»<sup>6</sup>. 10 апреля 1786 г. комиссии в составе гр. А. П. Шувалова, гр. А. Р. Воронцова, гр. А. А. Безбородко, П. В. Завадовского и А. П. Ермолова поручено было разработать предположения гр. Шувалова; ее доклад был представлен в Совет, а оттуда — опять кн. Вяземскому; 15 июня 1786 г. кн. Вяземский вернул его в Совет со следующей запискою: «Из учрежденного при Высочайшем Дворе Ее Императорского Величества Совета получил я от 12 числа нынешнего июня месяца копию с поднесенного Ее Величеству доклада относительно нового устройства ассигнационных и заемного банков, с приложением также при том копии с заготовленного по сей материи прожекта манифесту. Что все читая, не нахожу ничего такого, которое бы могло убедить совесть мою к перемене моих мыслей, представленных от меня Ее Величеству. Почему и остаюсь относительно сего на том мнении. А как в докладе и манифесте предполагаются и такие материи, которые не вошли в записку графа Андрея Петровича (Шувалова), по важности коих и по сущей слабости теперь головы моей не могу ничего сказать решительного». Совет, в заседании того же 15 июня, выразил согласие на проект Шувалова, находя, что он «без отягощения народного удовлетворяет надобности в деньгах для уплаты долгу и для разных государству полезных и нужных предприятий, доставляя при том дворянству и городам вспоможение на пользу земледелия, хозяйства и торговли». Принятые меры и были оповещены в особом торжественном манифесте, обнародованном 28 июня 1786 г., с прямо выраженной целью ознаменовать этим актом начало двадцать пятого года правления Екатерины<sup>7</sup>.

Манифест этот был написан очень хорошо, местами — даже с пафосом, и, вероятно, искренним. Мы, однако, не будем останавливаться на нем, а изложим содержание того обширного доклада, который был одобрен Советом, ибо в нем сообщено и все, что есть в манифесте, и прибавлены еще и те расчеты, которые были положены в основание принятых решений.

По отзыву комиссии, представленному императрице, в проекте гр. Шувалова «польза всенародная, польза казне Вашей, толико соображены и ощущаются, что выходит деяние редкое, не всеми, может быть, доумеваемое; ибо тут изобретается пре-

удобное средство выплатить знатные долги, получить новые доходы в прибыль и во удовлетворение нужд государственных, и вкупе с тем, во утешение великой души Вашей, — пролить сродную ей милость и величайшее благотворение на различные состояния всех Ваших подданных». — В чем же заключалось «это редкое, не всеми доумываемое» деяние?

Возможность уплатить «знатные долги» была, в сущности чисто, так сказать, диалектическая; гр. Шувалов убедил комиссию, что, раз им изысканы средства уплатить долги, — долгов этих можно не считать. Всего определено было долга правительства банку 42,2 млн руб.; из этого долга 19 140 000 руб. предполагалось получить процентами по тем капиталам, которые предполагалось раздать, о чем скажем сейчас ниже; 3 млн, отпущенные кн. Потемкину для нужд Новороссийского края, положено было — говорим словами официального документа! — «почитать принадлежащими ассигнационному банку, лежащими там»; 10 000 000 руб. предполагалось отвердить, оплачивать ежегодно тремя процентами, причем эта сумма, т. е. 300 000 руб. пойдет на содержание банка и потому самая сумма долга может быть списана со счетов; наконец, из общегосударственных ресурсов полагалось употребить на погашение долга до 3,3 млн — таким образом, гр. Шувалов, а за ним комиссия и Совет признали погашенными 35,6 млн и долг государственный определили всего в 6 600 000 руб. Это бы еще ничего: подобный расчет, сам по себе, лишь льстил его автору и императрице, как очень ловкое, тонкое толкование финансового положения и как свидетельство о крайней незначительности долга, а следовательно, и об успешности государственного хозяйства Екатерины; но, к сожалению, на этом дело не остановилось: те же суммы, о которых приходилось нам сейчас говорить; должны были сыграть и еще роль в финансовых расчетах гр. Шувалова.

Количество ассигнаций, достигшее к тому времени 46 172 000 руб., решено было довести до 100 млн; вновь выпускаемые для этого 53 млн руб. с лишком распределить так: 15 млн отложить в запас на войну,  $2\frac{1}{2}$  млн — на случай крайней надобности казначейству, 4 млн — выдать Кабинету, 11 млн — раздать в ссуды городам и  $17\frac{1}{2}$  млн — раздать в ссуды дворянству, в прибавку к тем  $4\frac{1}{2}$  млн руб., которые уже были ранее розданы дворянам под залог их имений; таким путем распределялись 50 млн; остальные 3 млн с небольшим предполагалось пустить прямо в обращение. По расчету составителя проекта дворянский заем должен был погашаться в течение 20 лет уплатами 8% с занятой суммы, а затем городской — в 22 года

уплатами 7% с занятой суммы. Определяя путем простого арифметического расчета, что по первому займу будет получаться в год по 1 760 000, гр. Шувалов высчитал, что в 20 лет получено будет по операции с дворянским займом в 20 раз более, т. е. 35 200 000 руб.; точно так же по займу городами ежегодно должно было получаться (7% с 11 млн) — 770 000 руб., а в 22 года — 16 940 000 руб. «Всего вышесказанные 33 млн руб. — читаем в докладе, — составят 52 140 000 руб.» (т. е. сумму 16 940 тыс. и 35 200 тыс.). Из этой суммы исключалась первоначально отданная в займы сумма, т. е. 33 млн — и получалось, по расчету гр. Шувалова, чистой прибыли 19 140 000 руб. На счет этой прибыли и были отнесены выдача Кабинету — 4 млн, уплата его долгов в сумме 4,6 млн, погашалось 6 млн из государственного долга, 3,7 млн отпускалось на строение дороги между Петербургом и Москвой и производилось еще разных расходов на 840 000 руб. Проблематичность и произвольность всех этих предположений бросается в глаза и просто поражает. Суммы для займов дворянству и городам были определены совершенно произвольно; авторы проекта говорят по этому поводу только следующее: «28 500 000 руб. ассигнациями для займов, долженствующие обращаться от Невы и польских пределов до Иркутска и от города Архангельска до Тавриды и до Кавказа, являются нам предметом совершенно бессильным для произведения малейшего вреда»; по их мнению: «знатный нюмерер (наличность), существующий во Франции, и чрезвычайное число мысленного богатства, выпущенного в Англии, менее бы приметны были в России, в рассуждении великого пространства ее земель»; не указано никаких оснований, почему сочтено нужным или даже хотя бы вероятным распределение в заем между дворянами  $17\frac{1}{2}$  млн новых денег, тогда как до того времени было взято только  $4\frac{1}{2}$  млн; сумма для займов городам определена не только произвольно, но и прямо ошибочно — даже на том основании, на котором этот расчет основан: предположено было давать ссуды только городам первого и второго класса — по делению, которое не представляет интереса; к первому отнесены две столицы и четыре больших портовых города — Рига, Ревель, Архангельск и Астрахань, — сказано «и им подобные», но таких не было; на все эти города определено от 600 до 400 тыс. на каждый: всего это составило бы лишь  $2\frac{1}{2}$  млн; значит, для городов второго класса оставалось  $8\frac{1}{2}$  млн; но таких городов названо всего 20 — и не легко было бы увеличить это число сколько-нибудь значительно; таким образом, выходит, что на каждый город второго класса падает такое же коли-

чество займа, как на каждый из четырех городов первого класса! Но особенно странно, прямо непостижимо допущение следующей ошибки в расчете: упущено из виду, что в течение 22 лет *может* получиться — не говорим, получится — высчитанная в проекте сумма в 52 млн с лишком только в том случае, если *все* предназначенные для займов капиталы будут разобраны *немедленно целиком*; всякое же замедление в этом непременно уменьшит сумму дохода, по крайней мере — к определенному сроку. <...> Собственно говоря, в проекте упомянуто, что «иногда в назначенное время не все суммы разобраны будут», но сейчас же выражена уверенность, что происходящий от этого недостаток с избытком будет покрываем доходами от операций с медью. Действительно, тем же указом 28 июня 1786 г. вновь организованному банку поручены были некоторые операции с медью и затем рассчитано было — столь же основательно, как и вышеприведенное, — что банк получит по этой операции до 6 млн руб. прибыли. Но тут-то мы и встречаем нечто столь же маловероятное, сколь и несомненное: немедленно же была распределена вся прибыль и по операции с медью и по операциям с зайцами. Итак, только еще выпуская капитал для некоторой операции — не говорим даже об основательности расчетов, примененных при этом, — только еще выпуская капитал, уже сочли себя обладателями всей той суммы прибылей, какие могли быть получены от этих операций в течение еще 20 лет!

Такой вывод представляется, конечно, невероятным и, следовательно, ошибочным; но вот какие суммы были немедленно же разассигнованы, как это видно из протоколов Совета, в течение 1786 и начале 1787 годов, причем указаны и источники, на которые эти ассигнования были Советом же обращены. Для дворянства — 17 млн, Кабинету и в придворную контору — 11,1 млн (из них — 3 млн в счет предположенных по проекту 4-х, 4 млн — за счет прибылей от займов, 4 млн — в заем, на основаниях тех же, на каких предположено раздавать городам, и 100 000 — за счет прибыли от меди), на дорогу между Петербургом и Москвой — 2 млн (1 млн — на счет прибылей от займов, 0,5 млн — за счет прибыли от меди и 0,5 млн — из суммы, назначенной на города), Потемкину для устройства Новороссийского края и черноморского флота — 12,5 млн (из них — 7,1 млн отнесены на счет прибыли от меди, 2,4 млн — взяты из суммы, предположенной для городов, и 3 млн — прямо новыми ассигнациями); затем были произведены ассигнования в 15 млн и 25 млн про запас, о чем мы выше сказали, и еще 3 млн прибавлено для возможной войны — из капитала для городов,

6 млн отчислено из разных источников в соляной капитал, наконец, на устройство каналов — 1,5 (из прибылей по меди). Итак, к началу 1787 г. уже было назначено разных ассигнований на сумму в 70,6 млн; при этом распределено было уже 8 млн из сумм, предположенных на займы городам, и осталось их всего 3 млн; в начале 1789 г. издержаны были и последние 1 100 000 руб. из этой суммы. Предположено было выпустить лишь 50 млн новых ассигнаций, тут же мы находим разассигнованными уже 74 млн — больше, чем предложено было выпустить, на 24 млн — именно на ту сумму, в которую, по расчетам гр. Шувалова, определялись ожидаемые от новых операций прибыли. Итак, наше наблюдение, что тогдашние руководители финансовыми судьбами России сочли себя обладателями всех возможных прибылей сразу же — этим вполне доказывается несмотря на всю невероятность такой ошибки. А пагубное ее влияние еще усугубилось тем, что в первые же три года весь капитал, предположенный на поддержку городов, что именно и имелось в виду при новом установлении и на чем основаны были ожидаемые выгоды, — был уже распределен на другие, непроизводительные расходы.

И на глазах наших быстро и с поразительною яркостью развертывается картина все растущих и растущих финансовых затруднений, — затруднений, в которых разобраться и даже уяснить себе причину которых тогдашние люди не могут. В манифесте 28 июня 1786 г. сказано было в очень торжественной форме, что императрица «за себя и за преемников всероссийского престола узаконяет», что никогда количество ассигнаций не должно превышать 100 млн руб.; обещано было затем, за себя и за преемников, не изменять этих узаконений и выражено твердое намерение свести число ассигнаций всего к 40 млн. Но обращение монеты, говоря словами протоколов Совета, «неизвестно почему вдруг оскудело» и при том особенно «в тех частях государства, где больше в том нужды»; уже к апрелю 1788 г., т. е. менее, чем через два года после утверждения «редкого деяния», пришлось взять на покрытие текущих расходов и последнюю половину тех 15 млн, которые были отложены на случай внезапной войны — первая же половина их взята была еще в декабре 1787 г. В 1790 г. пришлось прибегнуть уже к новому выпуску бумажных денег, в прямом противоречии с манифестом 28 июня 1786 г. Между тем курс на ассигнации уже начал падать; в 1786 г. он был 102, в 1787 — 103, в 1788 и 1789 — 108 и 109; новый выпуск 7 000 000 руб., произведенный в 1790 г., уронил курс сразу на столько же %, насколько три

года тому назад уронил его выпуск 53 млн руб. и ассигнациями, т. е. на 6%, и ассигнации шли уже 115 за 100; поэтому, выпустив в обращение 107 млн руб. ассигнациями, правительство имело по курсу всего 93 млн с небольшим, тогда как в предшествовавшем году, имея всего 100 млн, оно имело по курсу 91,7 млн руб.; дальнейшие выпуски следовали опять ежегодно в количестве 6,3 и 4 млн и, наконец, 30 млн в 1794, причем сумма ассигнаций достигла 150 млн руб., а курс упал до 146 за 100, так что по курсу на серебро 150 млн руб. ассигнациями составляли всего 102,7 млн; в 1795 г. нового выпуска не было, а в 1796 г. опять было выпущено 7 703 640 руб. ассигнациями. Совет в это время постоянно обсуждал меры борьбы с безденежьем, все более и более угнетавшим казну; разные казенные места, не имея денег для уплат, начали выдавать своим поставщикам облигации сроком на несколько лет — т. е. выпускали тоже своего рода денежные знаки, потому что такие облигации предполагалось принимать в уплаты и в залоги. В Совете обсуждались проекты новых налогов — на лошадей, собак, даже на окна в столицах; обсуждался вопрос о продаже всех казенных имуществ и даже — казенных оброчных статей; приняты были, однако, только повышение подушной и оброчной податей с крестьян и повышение цены на вино и соль. Но эти меры не были достаточны; ресурсы для войны со Швецией и с Турцией были добыты, главным образом, путем внешних займов, теперь заключавшихся уже далеко не на таких блестящих условиях, как в 70-х годах, и достигших к 1796 г. суммы в 43 700 000 руб. Считая с выпуском ассигнаций, правительство Екатерины II задолжало почти 200 млн руб., т. е. передержало больше трех самых больших своих годовых бюджетов. Та операция — доведение ассигнаций до 100 млн руб., на которую возлагались такие блестящие надежды, оказалась самую неудачною.

Останавливаясь мыслью на рассмотренном эпизоде русской финансовой истории XVIII в., не знаешь, чему больше удивляться: поверхностному ли отношению к столь важным вопросам со стороны многих высших правительственных лиц, их детской самоуверенности и необдуманности, или той мощи, какою обладает народный организм, умевший перенести такие опыты. Беспорядочность, бессистемность и грубые ошибки в финансовом управлении и в руководительство народным хозяйством были явлением общим в XVIII в. <...>

